

Геологический Музей Академии Наук в русской геологии.

Проф. А. А. Борисяк.

Минеральный Кабинет, затем — Минералогический Музей, Геологический Музей, наконец Геологический и Минералогический Музей с его отделениями, — таковы этапы в названии академического хранилища геологических объектов за 200 с лишним лет его существования, отвечавшие и состоянию геологических знаний, и внутреннему содержанию Музея.

Начиная от Мессершмидта и до наших дней в него поступают геологические материалы экспедиций — академических, а также других ведомств и учебных обществ. Так накапливается колоссальный научный капитал, который в различные эпохи в руках последовательных поколений русских исследователей претворяется в живую научную мысль, оставляющую более или менее заметный след в общем ходе развития русской геологии.

Крупнейшая эпоха в истории естествознания и геологии в частности — конец XVIII в., эпоха собирания фактического материала путем дальних экспедиций. Россия в это время не отставала в исследовательской работе от Европы, и ряд великих экспедиций, организованных

Академией, в то время единственным крупным научным центром России, доставил обильные материалы и Геологическому Музею. Но напрасно мы бы искали теперь в его собраниях отражения этой эпохи: многократные перемещения и группировки его коллекций почти не оставили следов от Палласовой эпохи его существования ¹⁾.

Несравненно лучше, часто целиком сохранились собрания, поступавшие с начала XIX века. Однако, в первую его половину в развитии русской геологии академический Музей не играл крупной роли, являясь лишь тем складочным местом, куда доставлялись нередко высокой ценности материалы, как из пределов России, так и из-за границы. Гораздо более активную роль в развитии и насаждении у нас геологических знаний играло в это время молодое учреждение, явившееся настоящей *alma mater* русской геологии: Горный Институт, основанный, как горное училище, в 1773 году, с первых же дней культивирует геологию, сначала устами учеников знаменитого Вернера, а затем и русских геологов. Его многочисленные питомцы разбредаются по всему лику русской земли и собирают в отдельности мелкие, но

¹⁾ Между тем, в Горном Музее хранятся некоторые палеонтологические остатки (*Mastodon Borsoni*), собранные Палласом.

в совокупности огромной ценности материалы. Эпоха Мурчисона в русской геологии почти целиком обязана своими успехами деятельности этих незаметных и часто безымянных исследователей. В это же время в Академии Наук, по свидетельству непосредственного работника ее Музея, Гёбеля, бывшего хранителем его более четверти века, в это время, — вследствие тесноты помещения, отсутствия элементарных пособий в виде библиотеки и лаборатории и вообще материальных средств, — условия для развития геологии были крайне неблагоприятны.

Лишь во вторую половину XIX века, в связи с новым оживлением экспедиционной работы (толчком этому послужило, между прочим, основание Русского Географического Общества), развивается научная работа Музея, как над вновь привезенными, так и над старыми его коллекциями. Музей быстро приобретает значение заметного центра научной работы.

К этому же периоду относится основание (в 1882 г.) Геологического Комитета. Новое учреждение, в течение первых двадцати лет своего существования, руководимое акад. А. П. Карпинским, совершает огромную работу, являющуюся следующим после Мурчисона этапом в развитии русской стратиграфии. И тем не менее деятельностью Комитета работа Музея не только не затеняется; наоборот, ею как бы рельефнее оттеняется значение его в этот период истории геологии России.

Соответственно скопившимся материалам и интересам тех лиц, которые группировались в это время около Музея, в нем разрабатывались преимущественно две темы.

Колоссальные коллекции Музея по прибалтийскому древнему палеозою, собранные акад. Шмидтом и целым рядом других лиц, послужили материалом для классических работ Шмидта по стратиграфии и палеонтологии указанной толщи. Эти работы Шмидта до сих пор сохраняют руководящее значение. Правда, после Шмидта часть установленного им разреза получает большую детализацию в работе Ламанского; однако, деятельность Ламанского, блестяще начатая, почти тотчас же прервалась; результаты же многолетних исследований Геологического Комитета в той же области еще не опубликованы.

Еще большую роль сыграла в рассматриваемое время другая тема работ Музея.

И по сейчас, как драгоценную реликвию, Музей хранит свои сибирские коллекции, на которых были заложены основы стратиграфии и палеонтологии Северной Азии. Эти коллекции, ныне, как и все другие собрания Музея, покоящиеся под зеркальными стеклами его витрин, заслуживают, однако, особого к себе отношения уже и по тем исключительным условиям, при которых они собирались: в Сибири, ее отдаленных северных или восточных областях, работа геолога представляет тяжелый подвиг, нередко трагически заканчивающийся.

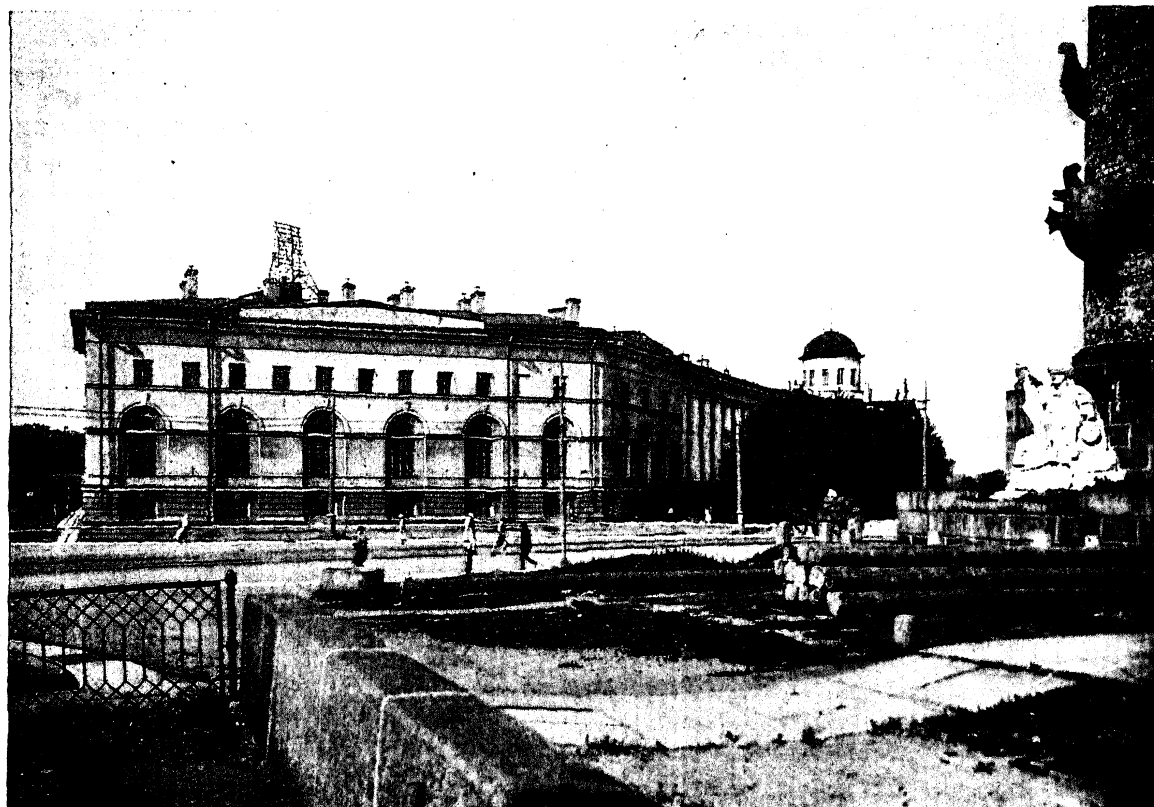
Как уже указывалось, старейшие коллекции и в том числе сибирские почти не сохранились в Музее. Но в свое время они составляли его ценные собрания: так, коллекции Мессершмидта заключали не только материалы по полезным ископаемым, но и сборы по стратиграфии, к сожалению, в свое время недостаточно оцененные (белемниты с. Н. Тунгузки, какие то толстые раковины с Ингоды и проч.).

Большую роль сыграли собрания Палласа и, в особенности, Георги. Они легли в основу не только фактических описаний, но и известной Палласовой теории „О природе гор“, на которой строил свое учение и знаменитый Вернер. Как ни кажутся нам фантастичными порой эти старые обобщения, надо помнить, что в них пробиваются и такие идеи, которые сохраняют права гражданства и в современной науке. — Тому же времени принадлежат более скромные в научном отношении, но крайне важные в практическом многолетние сборы акад. Германа на Алтае и Урале.

К первым годам XIX в. относится экспедиция Адамса к устью Лены (за трупом мамонта), впервые доставившая сведения об ископаемом льде; несколькими годами позже — экспедиция Геденштрёма на Колыму и Ляховы о-ва (Ново-Сибирские); далее — экспедиции Коцебу, Литке и др.; все они доставляли музею материалы, которые лишь позднее получили свою научную оценку. Однако, в течение первой половины девятнадцатого века, среди коллекций, поступивших в Музей, сибирские не играют большой роли: кроме упомянутых, можно привести сборы Вознесенского, Гельмерсена (Алтай), Миддендорфа, Штубендорфа, Дитмара, Петелина, Максимовича; большинству из них суждено было покоиться в виде сырого материала долгие годы, и

только Таймырские материалы Миддендорфа, с тех пор никем еще не повторенные, как и его Охотские сборы, после обработки их (частью Кейзерлингом и Гельмерсеном) представили крупный шаг в освещении геологического строения севера и востока Сибири. Общая же картина строения Сибири, данная в IV томе (1860 г.) сочинения Миддендорфа, является образцом поразительной науч-

В тесном общении со Шмидтом протекала работа двух выдающихся деятелей геологии Сибири того времени, Чекановского и Черского; заброшенные в Сибирь в результате польского восстания 1863 г., благодаря хлопотам Шмидта, Потанина и др. они получили возможность работать. Вместе со Шмидтом, они явились основателями современной стратиграфии Сибири, а Черским была дана

Общий вид Геологического Музея с набережной р. Невы.

ной интуиции, представляя в сущности ту схему, к которой мы возвращаемся теперь.

В конце первой половины XIX в. было основано Русское Географическое Общество; в 1851 году открылось и его отделение в Иркутске. Новое общество энергично развивало экспедиционную деятельность и вложило крупную лепту в дело изучения геологии Сибири. К этому периоду относятся экспедиции Шмидта, Маака, Лопатина и Дитмара, материалы которых поступали в Музей. Притом Шмидт явился не только путешественником и собирателем материалов; он энергично принялся за их обработку; в значительной мере ему собрания Музея обязаны тем значением, какое они имеют в истории геологии Сибири.

и общая схема тектоники Сибири, легшая в основу концепции строения Азии Зюсса.

Коллекции трех названных исследователей составляют наиболее ценное ядро сибирских собраний Музея. Шмидт был директором Музея в течение целой четверти века (1875—1900 г.г.); несмотря на скудость средств и чрезвычайную тесноту помещения, при нем впервые Музей приобретает характер видного научного центра, в котором, в числе других, деятельными работниками, хотя и на короткий срок, явились и оба упомянутых исследователя, когда они получили возможность переехать в столицу. Шмидтом и группировавшимися вокруг него лицами, а также привлеченными им к работе над материалами Музея иностранными уч-